

В. П. Скобелев
Белорусский государственный университет

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З дополнил ГПК нормами, допускающими использование в гражданском процессе видеоконференцсвязи. Данные новеллы вызывают ряд замечаний как с точки зрения юридической техники, использованной законодателем при корректировке Кодекса, так и по существу.

1. Дополняя ГПК соответствующими нормами, законодатель в то же время не раскрыл понятие видеоконференцсвязи, хотя по логике вещей любой новый термин (особенно технического плана), появляющийся в Кодексе, должен получать свою расшифровку в ст. 1 ГПК. В этой связи не совсем понятно, осуществляется видеоконференцсвязь через сеть Интернет, в том числе программу Skype (а значит, может состояться с лицом, которое находится у себя дома или в любом ином месте, помимо помещения суда), или же она организуется исключительно посредством программно-технических средств и специальных (защищенных) каналов связи судов общей юрисдикции (т. е. может проводиться только в помещениях судов).

Есть определенные основания полагать, что законодатель имел в виду именно второй вариант видеоконференцсвязи. Так, еще в п. 2 Послания о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454, говорилось о необходимости внедрения видеоконференцсвязи «между судами общей юрисдикции всех уровней». Об этом свидетельствует и практика применения видеоконференцсвязи в хозяйственном процессе. Наконец, в самом тексте ст. 185-1 ГПК (ее ч. 4) можно найти упоминание о «суде, осуществляющем организацию видеоконференцсвязи» и «суде, рассматривающем дело». Но при таком подходе остается открытым вопрос об использовании видеоконференцсвязи (в первом ее варианте) для обеспечения коммуникаций суда с участниками процесса (сторонами, свидетелями), находящимися за границей, причем данный вопрос, на наш взгляд, является гораздо более актуальным, нежели применение видеоконференцсвязи внутри страны.

2. Основной блок норм о видеоконференцсвязи (ст. 185-1 ГПК) был помещен законодателем в §1 («Объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц») гл. 22 («Средства доказывания») ГПК, что представляется нам ошибочным по ряду причин.

Во-первых, это дает неверное представление о самом феномене видеоконференцсвязи как таковом. Видеоконференцсвязь имеет отношение не

столько к особенностям доказательственной деятельности, сколько к специфике проведения (организации) судебного заседания. Особенность здесь заключается в том, что одно судебное заседание посредством видеоконференцсвязи происходит одновременно в нескольких местах (помещениях): в том, где находится состав суда, и в том, где находится лицо (лица), с которым организуется видеоконференцсвязь. При этом, по нашему мнению, на второе место (помещение) в полном объеме распространяется режим судебного заседания – правила о соблюдении порядка в судебном заседании, о подчинении распоряжениям председательствующего, о возможности присутствия публики и т. д. По этой причине основной блок норм о видеоконференцсвязи должен был быть помещен законодателем в гл. 27 «Судебное разбирательство» ГПК, в частности в ее § 1 «Общие положения». Кстати, в ХПК аналогичная статья о видеоконференцсвязи (ст. 176-1 ХПК), с которой, собственно, и была «списана» ст. 185-1 ГПК, находится в главе именно о судебном разбирательстве (гл. 20 ХПК).

Во-вторых, это может привести к неверному выводу о том, что посредством видеоконференцсвязи стороны могут осуществлять исключительно доказывание (т. е. излагать информацию об имеющих значение для дела фактах) и не вправе совершать действия иного рода, например, заявлять отводы, ходатайства, представлять доводы, соображения и т. п.

В-третьих, это способно ввести в заблуждение относительно возможности применения видеоконференцсвязи судами кассационной и надзорной инстанций. Поскольку доказывание в надзорном производстве не осуществляется вообще, а в кассационном – не осуществляется по общему правилу, то суды надзорной и кассационной инстанций вполне могут отказаться применять любые нормы гл. 22 ГПК, в том числе и положения о видеоконференцсвязи, хотя с точки зрения существа явлений препятствий для использования видеоконференцсвязи вышестоящими судебными инстанциями нет.

В-четвертых, несмотря на то, что ст. 185-1 ГПК находится в параграфе, посвященном объяснениям юридически заинтересованных в исходе дела лиц как средству доказывания, в действительности она затрагивает гораздо более широкий круг доказательств: свидетельские показания (см. ч. 1 ст. 185-1 ГПК) и, судя по контексту, письменные и вещественные доказательства (см. ч. 4 ст. 185-1 ГПК).

3. Часть 1 ст. 185-1 ГПК говорит о возможности применения видеоконференцсвязи в подготовительном судебном заседании, однако подготовительного судебного заседания в гражданском процессе нет, в нем есть только предварительное судебное заседание (ст. 264 ГПК). Столь досадная оплошность законодателя, которая ставит под сомнение возможность использования видеоконференцсвязи в предварительном судебном заседании, объясняется тем, что текст ст. 185-1 ГПК был им заимствован практически дословно, без какого-либо критического осмысления, из ст. 176-1 ХПК. В ч. 1 ст. 185-1 ГПК допущена и другая нелепая ошибка: из ее текста следует, будто в подготовительном судебном

заседании могут участвовать свидетели. Однако как в подготовительном судебном заседании хозяйственного процесса, так и в предварительном судебном заседании гражданского процесса доказательств не исследуются, а потому и участие свидетелей в этих заседаниях исключено.

4. Согласно ч. 1 ст. 185-1 ГПК участвовать в судебном заседании путем использования видеоконференцсвязи вправе юридически заинтересованные в исходе дела лица и свидетели. Думается, однако, что такое право может быть признано не за всеми юридически заинтересованными в исходе дела лицами, в частности, его должны быть лишены прокурор и субъекты, названные в ст. 85–87 ГПК. Что же касается круга юридически незаинтересованных лиц, в отношении которых применима видеоконференцсвязь, то его целесообразно расширить за счет экспертов, специалистов, а также переводчиков (в отношении последних – только в том случае, если переводчик участвует в видеоконференцсвязи одновременно с тем лицом, для которого он осуществляет перевод).

5. Видеоконференцсвязь получила в ГПК весьма фрагментарную регламентацию. Так, остались неурегулированными вопросы: о порядке взаимодействия судов при организации видеоконференцсвязи (например, согласно ч. 2 ст. 224-1 УПК следователь для целей организации видеоконференцсвязи направляет поручение об оказании содействия); о распространении на помещение другого суда, с которым установлена видеоконференцсвязь, режима судебного заседания; кто из работников другого суда должен присутствовать в этом помещении при проведении видеоконференцсвязи (полагаем, что это должен быть судебный секретарь – для установления личности участников процесса, поддержания порядка в помещении и т. д., а также, возможно, лицо, выполняющее функции специалиста – для обеспечения технической возможности видеоконференцсвязи); о продолжительности видеоконференцсвязи (полагаем, что если в видеоконференцсвязи участвуют непосредственно заинтересованные в исходе дела лица, то она должна осуществляться на протяжении всего судебного заседания, в том числе охватывать и этап оглашения итогового судебного постановления); должен ли секретарь другого суда подписывать протокол судебного заседания и участвовать в его составлении.

6. Проведение судебного заседания при использовании видеоконференцсвязи сопряжено с рядом сложностей. Прежде всего это трудности, связанные с установлением личности (проверкой полномочий) тех участников процесса, с которыми осуществляется видеоконференцсвязь: состав суда хоть и несет ответственность за установление личности (проверку полномочий) указанных субъектов процесса, однако сам выполнить данные действия не имеет возможности, сделать это придется секретарю другого суда, что значительно повышает риск судебной ошибки, причем уже в самом начале судебного заседания. Не совсем понятно также, как при использовании видеоконференцсвязи суд может: взять у соответствующих лиц подписку об уголовной ответственности в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 187, ч. 5 ст. 267, ч. 2 ст. 277 ГПК; осуще-

ствить предписания ч. 2 ст. 285 ГПК о том, что заявление истца об отказе от иска, признание иска ответчиком, условия мирового соглашения сторон, заявление сторон о заключении соглашения о применении медиации должны быть подписаны соответствующей стороной (сторонами) в протоколе судебного заседания; реализовать правило ч. 3 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции», позволяющее суду обязать юридически заинтересованных в исходе дела лиц, а также свидетелей подписать в протоколе любые данные ими объяснения (показания).

Видеоконференцсвязь не самый лучший способ для исследования и проверки письменных и вещественных доказательств. Для определения доброкачественности данных доказательств их требуется непосредственно «подержать в руках», «потрогать». Поэтому если исследование данных доказательств будет происходить в помещении, где находится состав суда, это повлечет ущемление прав заинтересованных в исходе дела лиц, с которыми проводится видеоконференцсвязь. Если же доказательства будут представлены последними в ходе видеоконференцсвязи, то нарушены будут права остальных заинтересованных в исходе дела лиц. Более того, в таком случае суд сам будет лишен возможности надлежащим образом исследовать доказательства, что может привести к неправильному разрешению дела. Между тем подобный вариант развития событий прямо допускает ч. 4 ст. 185-1 ГПК, где сказано, что «доказательства, представленные в судебном заседании в суде, осуществляющем организацию видеоконференцсвязи, направляются в суд, рассматривающий дело, не позднее дня, следующего за днем проведения судебного заседания». Получается, что надлежащим образом исследовать и оценить эти доказательства суд сможет лишь по окончании судебного заседания и соответственно после вынесения решения.

7. В ч. 4 ст. 185-1 ГПК говорится о направлении в суд, рассматривающий дело, только доказательств. Потребность в направлении может также возникнуть в отношении документов (их копий), удостоверяющих полномочия представителей, письменных заявлений и ходатайств заинтересованных лиц.

8. Часть 2 ст. 185-1 ГПК закрепляет всего лишь два основания, по которым суд может отказать в применении систем видеоконференцсвязи. Фактически это означает, что если данные основания отсутствуют, то ходатайство заинтересованного лица или свидетеля о применении видеоконференцсвязи всегда будет судом удовлетворено, и, следовательно, видеоконференцсвязь может получить в гражданском процессе самое широкое распространение, стать обычной формой организации судебных заседаний. Представляется, однако, что с учетом названных выше недостатков видеоконференцсвязи ее использование в гражданском процессе может быть лишь исключением, а не общим правилом (собственно, практика применения видеоконференцсвязи в хозяйственном процессе подтверждает эту мысль). Причем ее использование будет оправдано

только в тех случаях, когда нет необходимости исследовать письменные и вещественные доказательства, а именно: для целей допроса свидетелей, проведения предварительного судебного заседания, участия сторон в заседаниях судов кассационной и надзорной инстанций. Кроме того, представляется, что решение вопроса о применении видеоконференцсвязи должно осуществляться судом с учетом мнения всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц, и данный момент нужно прямо отразить в п. 9-1 ст. 262 ГПК.

9. Есть определенные основания сомневаться в целесообразности введения в гражданский процесс видеоконференцсвязи: во-первых, ввиду небольших размеров территории страны и максимальной приближенности судов неэкономической юрисдикции к населению; во-вторых, по соображениям процессуальной экономии (при видеоконференцсвязи количество задействованных помещений судов и судебных секретарей удваивается); в-третьих, из-за процессуальных затруднений, сопутствующих применению видеоконференцсвязи.

УДК 314.744 (476)

О. В. Степанов

*Минский филиал Российского государственного
социального университета (Беларусь)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ТРУДЯЩИХСЯ-ИММИГРАНТОВ В ТЕОРИИ ТРУДОВОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Как следует из проведенного анализа литературных источников, на рассмотрении разноплановых вопросов трудовой миграции останавливают свое внимание представители естественных и общественных наук. Так, общеметодологические составляющие трансграничного рынка труда освещены в работах М.Е. Белицкого, М.А. Бондаря, П.Г. Коваля. Социально-философский аспект возникновения иностранных диаспор, как результат внешней трудовой миграции за рубежом, рассмотрел С. Рязанцев. Значение экономической составляющей иностранной рабочей силы и ее влияние на экономический рост в стране показано в трудах Н.Л. Грибановой, С.Е. Метелева.

В юридической литературе многие составляющие трудовой миграции исследуются в различных отраслях права. Проблемам правового регулирования миграции в модельном законодательстве для государств – участников СНГ посвящено исследование Л.Ф. Апт, Е.В. Касьяновой.

Вопросу привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере миграции иностранных граждан и лиц без гражданства посвящены печатные работы К.П. Кондрашиной. Традиционно большое внимание